

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ ТА МІЖНАРОДНІ ВІДНОСИНИ

УДК 94 (398.9)

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЯ В ПОЛИТИКЕ ЛИСИМАХА В 323-289 гг. до н.э.

Константин Нефедов

Национальный аэрокосмический университет имени Н.Е. Жуковского «ХАИ»

Украина, 61070, г. Харьков, ул. Чкалова, 17

e-mail: k.nefedov@khai.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2032-6580>

Лисимах является одним из наиболее неординарных представителей первого поколения преемников Александра Македонского, диадохов. На протяжении более чем двадцати лет после смерти Александра он управлял периферийной для эллинистического мира Фракией, не одерживал крупных побед над противниками и испытывал нехватку средств для управления сатрапией. Однако это не мешало ему прочно удерживать за собой власть, пользоваться высоким авторитетом в международных делах и успешно противостоять могущественным Антигонидам, которые претендовали на власть во всей империи Александра. Как показал Б. Босуорт, карьера Лисимаха опровергает традиционное для современных исследований мнение о том, что власть диадохов основывалась исключительно на военных успехах и финансовом благополучии [10, p. 268-277]. Поэтому анализ основ власти Лисимаха имеет немаловажное значение для понимания особенностей эллинистической монархии.

История Лисимаха давно привлекала к себе внимание исследователей. Его правлению, политике и государственности посвящены десятки статей и пять внушительных монографий [1; 20; 24; 30; 31]. Тем не менее, далеко не все аспекты деятельности этого диадоха хорошо изучены в современной науке. В их числе – отношение Лисимаха к одному из важнейших институтов эллинистической монархии – царскому культу. Сам Лисимах удостоился культового почитания лишь в нескольких греческих городах в последние годы жизни. Поэтому исследователи обычно считают, что царский культ не сыграл существенной роли в системе обоснования власти фракийского прави-

теля, и рассматривают эпизоды его сакрального чествования в городах лишь поверхностно, в контексте общей истории полисного культа правителя в греко-македонском мире [22, s. 37-41; 31, p. 169-174].

Некоторым исключением из этого правила является работа С. Плишке, в которой предпринята попытка рассмотреть городские культы Лисимаха в контексте основных направлений легитимизации власти диадохов [43]. Однако и в этом исследовании специфика использования культа правителя Лисимахом не раскрыта. Как и в предшествующих работах, без внимания остались вопросы о том, почему Лисимах начал удостаиваться культового почитания гораздо позже чем некоторые другие диадохи, как он реагировал при этом на широкое распространение культа своих соперников, и какое значение имел для него в этот период посмертный культ Александра Македонского, оставивший яркий след в его нумизматике?

Для ответа на эти вопросы в данной статье мы попытаемся проследить, каковым было отношение к культу правителя в политике Лисимаха в то время, когда он сам еще не получал богоравные почести. Поскольку все свидетельства об учреждении культа Лисимаха датируются 288-281 гг. до н.э., хронологические рамки нашей статьи будут охватывать 323-289 гг. до н.э., то есть карьеру Лисимаха в качестве сатрапа и царя Фракии, а с 300 г. до н.э. также царя большей части Малой Азии.

Для начала попытаемся определить, почему сам Лисимах так поздно начал получать богоравные почести. То, что его культ не возник в период, когда он управлял одной только

Фракией, на первый взгляд, кажется весьма закономерным. Диадочи, в отличие от последующих эллинистических правителей, сами не учреждали собственные культы в государственном масштабе, а получали сакральные почести только от греческих полисов. Городские общины чествовали преемников Александра как своих спасителей и благодетелей – в ответ на восстановление свободы и автономии полиса, освобождение от налогов, оказание военной помощи и т.д.

Первыми правителями, которые удостоились широкого богоравного почитания за такие заслуги были главные противники Лисимаха – Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет: в ответ на проводимую этими диадохами с 314 г. до н.э. политику «освобождения эллинов», их культы были учреждены в целом ряде греческих городов [22, s. 42-78]. В сфере же власти Лисимаха вплоть до 301 г. до н.э. находились только немногочисленные полисы Западного Причерноморья и Херсонеса Фракийского. Характер его политики по отношению к этим городам является предметом дискуссий [20, p. 21-36; 31, p. 35-40; 45, p. 65-69], но то, что она была далека от принципов «свободы и автономии» не вызывает сомнений. Во всяком случае, в 313 г. до н.э. в ответ на декларацию Антигона Одноглазого о «свободе эллинов», западнопонтийские города восстали против Лисимаха, и он длительный период подавлял восстание [1, с. 151-153]. Естественно, что получение божеских почестей при такой политике было крайне затруднено.

Тем не менее, вряд ли можно сомневаться в том, что при желании с помощью силы или уступок фракийский правитель мог бы обеспечить себе богоравное чествование в какой-либо форме. Известно к тому же, что некоторым полисам за пределами своей державы он оказывал значительные благодеяния и в этот период, но не получал в ответ на это таких же почестей, как некоторые другие диадохи. Так, например, он вместе с Птолемеем и Кассандром оказал существенную помощь родосцам во время годичной осады Деметрия Полиоркета, но, если Птолемей получил в награду за это божеские почести, Лисимаха и Кассандра островитяне почтили только возведением не-сакральных статуй [15, XX, 100]. Кроме того, Лисимаху не составило бы труда удостоиться культового чествования в основанной им в 309 г. до н.э. Лисимахии. Культ правителя, как основателя города, названного его именем, был для эпохи диадохов обычным делом, но об отпращивании культа Лисимаха в Лисима-

хии, по крайней мере, в первые тридцать лет ее существования не сохранилось никаких свидетельств.

Всё это говорит о том, что Лисимах в первые десятилетия своей карьеры не просто не мог, но, скорее, не желал получать богоравные почести. Более того, он, видимо, отказывал в подобных почестях не только себе, но даже покойному Александру, чем отличался от двух своих союзников – Птолемея и Селевка. Так же как и Лисимах, эти диадохи обосновывали легитимность собственной власти прежде всего заслугами перед великим завоевателем при его жизни [37, p. 242-247]. Это позволяло им отстаивать свои права на наследие Александра перед другими диадохами, прежде всего перед Антигоном Одноглазым, который не входил в число ближайших соратников покойного царя, но с 316 г. до н.э. достаточно открыто демонстрировал свое стремление к господству во всей его бывшей империи. Птолемей, стремясь подчеркнуть свою связь с Александром около 320 г. до н.э. учредил его культ в Александрии и тогда же начал размещать его портрет в обожествленном виде на своих монетах [51, p. 129-133]. В пропаганде Селевка Александр неизменно выступал в роли сверхъестественного покровителя в борьбе против не чтящих его Антигонидов, и с 305 г. до н.э. также изображался на его монетах с божественными атрибутами [5, с. 14-24]. Лисимах же до победы над Антигонидами в битве при Ипсе в 301 г. до н.э. не прибегал к подобным мерам. Вместе с тем, от него этого стоило ожидать в наибольшей степени – авторитет фракийского правителя, не будучи подкреплённым значительными победами и материальными ресурсами, держался едва ли не исключительно на том, что он был личным телохранителем и одним из ближайших друзей великого завоевателя [10, p. 268-270].

Такое отношение к культу Александра, вероятнее всего, было обусловлено тесной связью Лисимаха с правящей элитой коренной Македонии, где посмертный культ сына Филиппа не нашел официального признания [36, p. 243-248]. Александровский наместник Македонии Антипатр, по словам Суды, был «единственным из преемников Александра, кто не хотел называть Александра богом, считая это неблагочестивым» [49]. Лисимах был женат на дочери Антипатра Никае и вплоть до битвы при Ипсе его основным союзником оставался сын Антипатра Кассандр, который с 315 г. до н.э. единолично управлял Македонией [31, p. 54-57]. Будучи зависимым от македо-

нской поддержки, Лисимах, видимо, не рисковал раздражать Кассандра учреждением культа покойного завоевателя.

Негативное отношение Лисимаха к культу Александра нашло косвенное отражение в литературной традиции. В сочинении Юстина приведена история о «спасении» Лисимахом философа Каллисфена, которого за отказ совершить перед Александром коленопреклонение (проскинезу), царь ложно обвинил в заговоре, а затем приказал изуечить ему лицо и посадить его в клетку с собакой. Лисимах, считая, что Каллисфен пострадал «не за вину, а за свободомыслие», якобы, дал измученному философу яд, облегчив тем самым его страдания. Александр, взбешенный этим поступком, бросил Лисимаха в клетку к разъяренному льву, но отважный телохранитель сразу же умертвил зверя, чем снова снискал благосклонность македонского завоевателя, пораженного смелостью будущего царя Фракии [32, XV, 3, 3-9].

Данный рассказ Юстина, является одним из вариантов популярной в античности легенды об убийстве Лисимахом льва во время похода Александра, которая нашла отражение на монетах фракийского царя [50, р. 163-168]. Как считают исследователи, эти истории призваны были прославить царское мужество фракийского правителя, которое уподобляло его Гераклу, сразившему в поединке немейского льва [1, с. 70-77; 31, р. 6-8]. Но введение в сюжет Каллисфена говорит о том, что у легенды, приведенной Юстином, была и иная цель. Проскинеза, в представлении греков, являлась элементом культового почитания [38], а сам Каллисфен к тому времени превратился в исторической традиции в главного противника царского культа. Именно в его уста один из авторов-источников Арриана вложил концепцию неприятия богоравного чествования человека, по своей стройности и полноте не имеющую аналогов в древнегреческой литературе [19, IV, 11]. Таким образом, Лисимах, как «спаситель» Каллисфена, выступал в этой легендарной истории в образе противника царского культа, который ради своих убеждений готов не покориться даже македонскому завоевателю. Хотя истории, приводимой Юстином, часто приписывают позднее происхождение [31, р. 6], вряд ли можно сомневаться в том, что подобный образ Лисимаха в той или иной степени отражал его реальную позицию по отношению к культу Александра в первые два десятилетия правления во Фракии.

После поражения Антигонидов в 301 г. до

н.э. в битве при Ипсе, в которой погиб Антигон, позиции Лисимаха в греко-македонском мире значительно укрепились. В результате раздела владений Антигона под его властью, кроме Фракии, оказалась вся Малая Азия вплоть до Тавра. Однако реализовать открывшиеся перед ним возможности было нелегко из-за противодействия Деметрия Полиоркета, «возродившегося из пепла» вскоре после поражения 301 года. Он продолжал контролировать некоторые важнейшие полисы западного побережья Малой Азии и с 300 г. до н.э. постоянно атаковал прибрежные фракийские города [31, р. 81-87]. Положение осложнялось тем, что полагаться в борьбе с Деметрием на безусловную поддержку других диадохов Лисимах более не мог, ибо, по словам Плутарха, они считали теперь, что фракийский правитель «нисколько не лучше Деметрия – разве что более опасен, как более могущественный» [44, XXI, 2].

Борьба между Лисимахом и Деметрием шла преимущественно за греческие города малоазийского побережья, а верность многих из них Полиоркету держалась, не в последнюю очередь, на признательности Антигонидам за проводимую ими в течение многих лет политику «освобождения греков». Наилучшим образом о заслугах главных «спасителей Эллады» напоминал культ Антигона и Деметрия, который и после битвы при Ипсе отправлялся в некоторых полисах, например, в городах Островной Лиги [22, с. 58-61]. Лисимах мог бы противопоставить этому культу собственное культовое почитание, как это сделал Птолемей, который, приняв царский титул в ответ на коронацию Антигонидов на рубеже 305 и 304 гг. до н.э., сразу же был почтен как «Спаситель» на Родосе [4, с. 108-112]. Поскольку под властью Лисимаха теперь было немало греческих полисов, добиться от них богоравных почестей было совсем несложно. Однако фракийский правитель не стал нарушать свои принципы благочестия и использовал для дискредитации культового почитания Деметрия иные меры.

До битвы при Ипсе, наиболее знаменитым центром культа Антигонидов, были Афины, где двух диадохов впервые провозгласили «спасителями», а затем воздали Деметрию почести, превосходящие всякие пределы [2]. Неумеренность этих почестей на фоне растущего деспотизма Полиоркета в последние годы IV в. до н.э. вызывала существенное недовольство у части афинян [29, р. 279-282]. Наиболее активным его выразителем стал афинский коме-

диограф и политик Филиппид. В своей комедии, написанной, судя по всему, в 301 г. до н.э., он подверг жесточайшей критике культ Антигонидов [40, р. 64-75]. По словам Филиппида, инициатор этого культа, афинский демагог и приспешник Деметрия, Стратокл «сгубил народ», воздав смертным «почести богов», и в наказание за это божества в начале лета наслали на Афины снежную бурю, которая уничтожила виноградники, маслины и посевы зерновых. Кроме того, Стратокл обвинялся в том, что «нечестием порвал богини плащ»: ураганный ветер прямо во время торжественного шествия на празднестве Панафиней разорвал на части священный пеплос Афины, на котором были вышиты портреты Антигона и Деметрия [44, XII, 26].

За свои критические высказывания Филиппид, в том же 301 г. до н.э., подвергся гонениям со стороны сторонников Деметрия и отправился в ссылку именно к Лисимаху. Там он сразу же стал одним из ближайших друзей царя, и провел при его дворе в общей сложности 15 лет, вернувшись в Афины только после полного поражения Деметрия [42]. Поддержка, оказанная Лисимахом Филиппиду, несомненно, основывалась на желании фракийского правителя использовать в своих целях недовольство афинян правлением Антигонидов и, особенно, их разросшимся до невероятных пределов культом.

Филиппид расценивал действия Стратокла и Деметрия в Афинах как проявление религиозного нечестия (ἀσέβεια) [29, р. 273-278; 33, р. 160-161]. Этот термин достаточно давно использовалось в Афинах в политической борьбе – различные природные и политические катаклизмы часто рассматривались как следствие асебии предполагаемых «врагов демократии». От процессов по обвинению в нечестии пострадали Алкивиад, Анаксагор, Фидий, Сократ, Аристотель, Феофраст и еще целый ряд деятелей меньшего масштаба [18; 39]. Во времена Ламийской войны религиозное нечестие стало связываться в Афинах прежде всего с македонянами, по настоянию которых многие города вынуждены были воздавать сакральные почести Александру и Гефестиону [3; 35]. Однако Лисимах, как мы видели, придерживался в своей политике взглядов Антипатра, который также оценивал богоравное чествование Александра как проявления асебии, и поэтому, в отличие от Антигонидов, критика Филиппидом царского культа не принижала, а возвышала его над другими диадохами. Приютив и возвысив афинского комедиографа, фракийс-

кий правитель демонстрировал афинянам и всем грекам, что он, в отличие от Деметрия, «благочестивый македонянин», который не только не насаждает собственный культ, но и поддерживает борьбу против богохульства «нечестивых македонян».

Лисимах и Филиппид не только пропагандировали сходные взгляды, но и предпринимали совместные политические действия для дискредитации афинского культа Антигонидов. Об этом свидетельствует декрет афинского народного собрания в честь Филиппида от 283 г. до н.э. [25, № 877]. В нем, в качестве одной из главных заслуг поэта, упоминается его заступничество за афинян перед Лисимахом, которое имело место в год архонта Эвктенома, то есть в 299-298 г. до н.э., когда Афины, вследствие поражения Антигонидов при Ипсе, временно отпали от Деметрия. По словам декрета, Филиппид в этот год убедил Лисимаха предоставить городу 10000 медимнов зерна, а немногим позже – также мачту и рей для ритуального корабля Афины [25, № 877, vs. 10-16], на котором в ходе Панафинейской процессии торжественно перевозили пеплос, уничтоженный бурей при Деметрии. Современные исследователи считают, что столь малоценное дополнение к хлебному дару Лисимаха носило символический характер и было продиктовано желанием царя приобщиться к афинскому культу богини [43, s. 73; 46, р. 41]. Однако если вспомнить высказывания Филиппида о порванном нечестием «плаще богини», станет ясно, что здесь мы имеем дело со спланированной совместно Лисимахом и Филиппидом пир-акцией, целью которой было противопоставить благочестивого фракийского правителя богохульному Деметрию.

Месседж, который должны были извлечь афиняне из этой акции, был очевиден: богоравные почести Деметрия оскорбили богов, что привело к профанации религиозных ритуалов, нарушению природного цикла, гибели урожая и упадку Афин, в то время как Лисимах спас столицу Аттики от голода и восстановил почести богам, что, несомненно, должно привести к восстановлению попорченного Деметрием мирового порядка и благоденствию афинян. Не случайно, в этот год афиняне возвели статую и сделали особо тожественное посвящение богине-персонификации благоденствия Эвтерии [17, s. 56-57]. Все это должно было воздействовать не только на афинян, но и на всех эллинов, поскольку Афины в раннеэллинистическую эпоху все еще оставались «сторожевой башней ойкумены, с которой слава любых де-

яний быстро воссияет на все человечество», как назвал их Антигон [44, VIII, 2-3].

Как поборник религиозного благочестия, Лисимах за свои благодеяния получил в Афинах только несакральные почести. Ему даровали золотой венок [11], а после нового освобождения Афин от Деметрия и новой финансовой и военной помощи городу – некультовую статую [44, I, 9, 25; 6, с. 126]. В городах, попавших под его власть, в первые годы после Ипса Лисимах также не получал богоравных почестей. Однако для покойного Александра вскоре было сделано исключение. Об этом свидетельствует появление на аверсе серебряных и золотых монет Лисимаха портрета Александра в диадеме и с бараньими рогами (см. рис. 1.1.-1.5). Не вызывает сомнений, что это изображение призвано было представить Александра в образе сына Зевса-Аммона [12, р. 16-17], и, следовательно, символизировало его обожествление, которого Лисимах ранее избегал. Как верно заметила М. Томпсон, такая перемена могла произойти только со смертью Кассандра в 297 г. до н.э., ибо после этого Лисимаху не надо было более ориентироваться на мнение своего союзника [50, р. 163-165].

На реверсе новых монет изображался мотив, явно напоминающий о битве при Ипсе – Афина Nikephoros, держащая на правой руке Нику, венчающую последнюю букву имени Лисимаха. Поэтому исследователи с полным основанием полагают, что и изображение божественного Александра на монетах фракийского правителя так или иначе было связано с этой победой [47, р. 319; 50, р. 165]. По мнению Р. Хэдли [23, р. 55-66], на данных монетах нашла отражение легенда о привидевшемся Деметрию перед битвой при Ипсе «вещем сне», в котором Александр, «облаченный в полное вооружение», спросил у Полиоркета пароль, назначенный для войск Антигонидов и, узнав, что в нем, в отличие от пароля Селевка и Лисимаха, не упоминается его имя, заявил, что уходит к этим диадохам, так как «они принимают меня к себе» [44, XXIX, 1]. У нас, однако, нет оснований полагать, что эта легенда возникла раньше, чем Лисимах начал выпускать монеты с божественным Александром. Гораздо более вероятно, что и легенда, и изображение божественного Александра параллельно отражали основную идею пропаганды Лисимаха и Селевка: надменность и неуважение к Александру привели Антигонидов к поражению, в то время как заслуги Лисимаха и Селевка перед македонским завоевателем обеспечили им победу при Ипсе, в которой сам божественный Александр помог своим бывшим соратникам.

На случайно на монетах Селевка в это время тоже появляется изображение божественного Александра, правда, с чертами Диониса, а не Зевса-Аммона [5, с. 19-23].

На одной недавно обнаруженной тетрадрахме с изображением божественного Александра, на реверсе вместо Афины Nikephoros была изображена Афина Парфенос (рис. 1.6.), центром почитания которой были Афины [13]. С помощью такого изображения Лисимах, очевидно, надеялся напомнить греческому миру о своих заслугах в восстановлении празднеств этой богини и ликвидации последствий богохульств Деметрия в знаменитейшем городе Эллады. Видимо, эти деяния официально преподносились как результат заступничества божественного Александра в победе над Антигонидами.

Примечательно, что другие диадохи после разгрома Антигонидов постепенно начали терять интерес к образу покойного завоевателя. Птолемей, хотя и продолжал отправлять культ Александра в своей столице, заменил на своих золотых и серебряных монетах образ Александра собственным портретом, а Селевк поместил лик македонского завоевателя лишь на небольшой серии монет и более не возвращался к подобным монетным типам [12, р. 13-16]. Кроме того, Селевк, а затем и Птолемей заключили с Деметрием брачные союзы, продемонстрировав, что непричастность Полиоркета к кругу соратников Александра более не имеет для них значения. В таких условиях Лисимах получал возможность предстать перед греко-македонским миром в качестве наиболее верного и достойного преемника Александра. Ведь только он один теперь чествовал покойного завоевателя гораздо больше чем себя. Это должно было означать, что и покровительство Александра переходит теперь на одного Лисимаха, и он несомненно победит Деметрия, а в перспективе и всех других претендентов на имперский трон.

Логика подобной пропаганды требовала от Лисимаха изображать из себя достойного преемника Александра всеми возможными способами. Особенно важно это было делать в малоазийских владениях, которые постоянно подвергались угрозе нападения со стороны Деметрия. Вскоре после битвы при Ипсе Лисимах отстроил городские стены и театр, а также возродил празднества в честь Афины в Илионе, восстановить который в былом величии обещал в свое время Александр [48, XIII, 1, 25-26]. Кроме того Лисимах активно восстана-

вливал новую Смирну, причем изначальная инициатива в этом деле также была приписана Александру [41, VII, 5, 1], хотя на самом деле она принадлежала Антигону [31, р. 175-176].

Наиболее показательной акцией такого рода стало переименование Лисимахом основанной Антигоном Антигонеи Трояды в Александрию. По словам Страбона, фракийский правитель мотивировал эти действия тем, что считает благочестием для диадохов называть города, в первую очередь, в честь Александра, а уже потом – в честь себя [48, XIII, 1, 26]. Такая мотивация в устах Лисимаха выглядит весьма лицемерно, ибо задолго до Александрии Трояды он сам основал Лисимахию на фракийском Херсонесе. Видимо, в действительности Лисимах не просто переименовал Антигонею в Александрию, но и передал статус основателя этого города вместе с соответствующими сакральными почестями от Антигона Александру, а не себе самому. В этом и заключалось его благочестие: в соответствии с идущей еще от V в. до н.э. традицией, культ реального основателя полиса вполне мог быть заменен культом его «нового основателя» или даже «спасителя» [34; 36, р. 239-251], но Лисимах посчитал необходимым не узурпировать почести основателя, а благочестиво отдать их Александру. В Лисимахии же фракийский правитель в то время несомненно не получал богоравные почести и поэтому «не грешил» против Александра.

В целом проведенная Лисимахом в Трояде акция носила, в известной мере, вынужденный характер. Антигонея была крупным полисом, созданным путем искусственного синонимизма целого ряда мелких городов и селений, и просто уничтожить ее не представлялось возможным. Но и сохранять этот памятник политики и культа Антигона было нельзя. Не исключено, что «переосновав» Антигонею, Лисимах хотел создать в своей державе некое подобие Александрии Египетской с ее знаменитым культом Александра в месте его погребения. Желая выступить в роли наиболее достойного преемника великого завоевателя, Лисимах должен был стремиться превзойти прежде всего Птолемея, который на протяжении многих лет с помощью всевозможных пропагандистских ухищрений пытался закрепить за собой точно такую же роль. Не имея у себя в державе гробницы Александра, Лисимах постарался создать хотя бы культ македонского завоевателя в городе, названном его именем.

Можно полагать, что Лисимах в 90-е гг. III в.

до н.э. содействовал учреждению культа Александра и в некоторых других греческих полисах западной Малой Азии. Таковыми должны были быть прежде всего города Ионийской Лиги. О проведении ими совместных празднеств в честь Александра сообщает Страбон [48, XIV, 1, 31] и упоминают эпиграфические источники [28, № 198, E 1; 14, № 30, 87, 89a]. В научной литературе распространено мнение, что эти празднества были учреждены еще при жизни Александра, который, по мнению некоторых ученых, возродил саму эту Лигу [16, р. 221-222; 22, с. 17-18]. Для таких выводов, однако, нет достаточных оснований, ибо существование культа Александра не зафиксировано здесь ранее 268 г. до н.э. Кроме того, аргументы, приводимые исследователями в пользу указанного мнения, как показал Э. Бэдиэн [8, р. 60-62], и позднее М. Холод [26, р. 503-507], в большинстве своем неубедительны. В свою очередь, Р. Биллоуз на материале эпиграфических источников предположил, что Ионийская Лига была в действительности вновь основана не Александром, а Антигоном, возможно, удостоившимся вследствие этого культовых почестей основателя. После же 301 г. до н.э. Лисимах мог заменить культ Антигона культом Александра, подобно тому, как он переименовал Антигонею в Александрию [9, р. 217-218]. В свете изложенного такое предположение выглядит весьма правдоподобно. Конечно, нельзя не согласиться с М. Холодом в том, что Ионийская Лига могла существовать и задолго Антигона [7], но это отнюдь не исключает возможности учреждения здесь его культа. Известно, что первые Антигониды широко использовали религиозные объединения городов и союзные празднества, чтобы выставить себя в роли лидеров панэллинского масштаба [33, р. 168-174]. В созданной ими Лиге Островитян главными общесоюзными празднествами были Антигонеи и Деметрии на о. Делос. Поэтому весьма вероятно, что Антигонеи, и, возможно, Деметрии были учреждены и в контролируемой этими монархами до 301 г. до н.э. Ионийской Лиге. После того как Лисимаху во второй половине 90-х гг. III в. до н.э. удалось изгнать Деметрия из ионийских полисов, эти празднества, естественно, должны были быть заменены Александрейми, которые, как нейтральное и высокочтимое всеми правителями празднество, смогло сохраниться до римской эпохи.

Около 270 г. до н.э. продажа должности жреца «царя Александра» зафиксирована в одном из полисов Ионийской Лиги – Эрит-

рах [28, № 235, Е 1]. Х. Хабиخت и другие исследователи считают, что этот культ также был учрежден при жизни Александра, возможно, еще в 332 г. до н.э., когда эритрейская Афинаида провозгласила македонского завоевателя сыном Зевса [16, р. 224; 22, s. 19]. Однако в источниках нет свидетельств, подтверждающих этот факт. С другой стороны, бронзовые монеты Эритр рубежа IV-III вв. до н.э. свидетельствуют в пользу того, что в этом городе существовал культ Деметрия Полиоркета [62]. Весьма вероятно, что Лисимах, захватив Эритры около 294 г. до н.э., способствовал замене культа Деметрия почитанием Александра.

От позднеэллинистической и римской эпохи дошли свидетельства о существовании культа Александра в целом ряде других полисов Малой Азии [26, р. 499-503], в том числе в облагодетельствованном Лисимахом Илионе [28, № 205 Е]. Не исключено, что некоторые из этих городских культов также возникли в свое время не без влияния Лисимаха. Кроме того, празднества «Александрей» на рубеже IV и III вв. до н.э. существовали на о. Фасос, находившемся под прямым контролем Лисимаха [28, № 183 Е], и весьма вероятно, что их учреждению также способствовал фракийский правитель.

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что культовое чествование Александра получило широкое распространение в малоазийских и некоторых островных полисах именно благодаря Лисимаху. Во всяком случае, до времени его правления этими территориями не зафиксировано ни одного случая воздаяния здесь Александру божеских почестей, и вряд ли бы греческие города вдруг решили бы почитать давно умершего монарха, если бы их не склонял к этому их новый царь. По крайней мере некоторые из этих культов заменили собой культовое почитание Антигонидов, что помогало устранить всякие воспоминания о них в данном регионе и, одновременно, подтвердить статус Лисимаха как благочестивого царя. Ведь он заменял культ Антигонидов не собственным почитанием, как это делали некоторые другие диадохи, а культом великого Александра, что в контексте его новой пропаганды должно было восприниматься как проявление благочестия.

В целом, можно заключить, что Лисимах в первые тридцать пять лет своей карьеры в качестве сатрапа и царя придерживался весьма оригинальной стратегии использования царского культа. Вместо того, чтобы добиваться для себя почитания в греческих горо-

дах, как это делали Антигониды, а потом и другие диадохи, он пытался предстать перед греко-македонским миром в образе благочестивого правителя, который отрицает возможность воздаяния богоравных почестей человеку дабы не оскорбить тем самым «настоящих» богов. Подобный подход к царскому культу был основан на акцентированных в свое время Антипатром традиционных македонских представлениях, но находил отклик и среди греков. Это позволяло Лисимаху, не нарушая религиозные традиции, поддерживать властный статус в греко-македонском мире и при необходимости дискредитировать культ Антигонидов. Существенно усилив собственные позиции в середине 90-х гг. III в. до н.э., Лисимах счел необходимым закрепить за собой статус наиболее достойного преемника Александра и поддержать его посмертный культ. Эта политика вновь была представлена Лисимахом как проявление благочестия, теперь уже по отношению к новому богу-царю, доказавшему свою силу и расположение к Лисимаху в битве при Ипсе.

Таким образом, если Деметрий Полиоркет, насаждая свой культ, пытался изменить «под себя» греческую религию [33], Лисимах стремился предстать в противоположном образе – защитника традиционной религии от негативных последствий царского культа. Его политика в этой области была не менее манипулятивной, чем политика Деметрия, и парадоксальным образом привела в конечном итоге к насаждению посмертного культа Александра. В целом, пример Лисимаха показывает, что для обоснования своих властных притязаний диадохи могли использовать царский культ как в позитивном, так и в негативном плане, но игнорировать саму его роль в процессе легитимации новых форм монархической власти было невозможно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Делев П. Лизимах. София: Свети Климент Охридски, 2004. 463 с.
2. Нефедов К.Ю. Культ первых Антигонидов в Афинах: Новая интерпретация // Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности: Сборник статей. Белгород, 2005. С. 83-94.
3. Нефедов К.Ю. Культ правителя в афинской пропаганде времен Ламийской войны // Вісник Харківського національного ун-ту імені В.Н. Каразіна. 2000. № 485: Історія. Вип. 32. С. 12-20.
4. Нефедов К.Ю. Культ правителя и коронация диадохов // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 92-122.
5. Нефедов К.Ю. Селевк Никатор и Александр Македонский: эволюция пропаганды // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2011. Харьков, 2011. С. 14-25.
6. Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. Москва: Ладомир, 1999. 416 с.

7. Холод М.М. К истории Ионии в IV в. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2015. Вып. 15. С. 92-106.
8. Badian E. The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honour of Charles F. Edson / H.J. Dell (eds.). Thessaloniki, 1981. P. 27-71.
9. Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley, Los-Angeles, London: University of California Press, 1990. 516 p.
10. Bosworth A.B. The Legacy of Alexander. Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford: University Press, 2002. 307 p.
11. Burstein S. M. I. G. II² 1485A and Athenian Relations with Lysimachus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 31. 1978. P. 181-185.
12. Dahmen K. The legend of Alexander the Great on Greek and Roman coins. London; New York: Routledge, 2007. 179 p.
13. De Kallatay F., Kan R. A new silver denomination of Lysimachus: a unique hemiadrachm (from Mytilene?) from Athena Parthenos on the reverse // Κερατια Φιλίας. Τιμητικός τομος για Ιωάννη Τουρατσογλου. Αθήνα, 2009. Σ. 109-115.
14. Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai / Hrsgb. H. Engelmann, R. Merkelbach: Teil I (Nn. 1-200). Bonn: Habelt, 1972. 285 s.
15. Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica. V. 5 / Ed. L.A. Dindorf, I. Bekker, F. Vogel, C.T. Fischer. Stuttgart: Teubner, 1985. XX, 336 p.
16. Dreyer B. Heroes Cults and Divinity // Alexander the Great: A New History / W. Heckel, L.A. Tritle (eds.). Oxford, 2009. S. 218-234.
17. Dreyer B. Untersuchungen zur Geschichte des spätclassischen Athen (322-ca. 230 v. Chr.). Stuttgart: Franz Steiner, 1999. 487 p.
18. Filonik J. Athenian impiety trials: A Reappraisal // Dike. V. 16. 2013. P. 11-96.
19. Flavius Arrianus. Alexandri anabasis: cum excerptis photii tabulaeque phototypica / Ed. A.G. Roos, G. Wirth. München: Saur, 2002. 450 p.
20. Franco C. Il regno di Lisimaco: strutture amministrative e rapporti con le città. Pisa: Giardini, 1993. 308 p.
21. Franco C. Lisimaco e Atene // Studi ellenistici. V. III. 1990. P. 113-134.
22. Habicht C. Gotmenschentum und griechische Städte. München: C.H. Beck, 1970. 292 s.
23. Hadley R.A. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus // The Journal of Hellenic Studies. V. 94. 1974. P. 51-63.
24. Hunerwadel W. Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thrakien. Zürich: Universitat, 1900. 171 s.
25. Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Vol. II et III. Ed. tertia. Fasc. 4. Leges et decreta annorum 300/200-229/8 / edid. M.J. Osborne et S.G. Byrne. Berlin: Berlin-Brandenburgische Akademie für Wissenschaften, 2014. XIII, 299 s.
26. Kholod M.M. The Cults of Alexander the Great in the Greek Cities of Asia Minor // Klio. 2016. V. 98. No. 2. P. 495-525.
27. Kinns P. Portrait Bronzes of Demetrius Poliorcetes from Erythrae // The Numismatic Chronicle. V. 162. 2002. P. 17-21.
28. Kotsidu H. Timē kai doxa. Ehrungen für hellenistische Herrscher im griechischen Mutterland und in Kleinasien unter besonderer Berücksichtigung der archäologischen Denkmäler. Berlin: Akademie, 2000. 700 s.
29. Kuhn A.B. Ritual Change during the Reign of Demetrius Poliorcetes // Ritual and communication in the Graeco-Roman world. Kerns Supplement No. 16. Liege, 2006. P. 265-282.
30. Landucci Gattinoni F. Lisimaco di Tracia: un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo. Milano: Jaca book, 1992. 315 p.
31. Lund H.S. Lysimachus: Study in Early Hellenistic Kingship. London: Routledge, 1992. 287 p.
32. Marcus Iunianus Iustinus. Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi: accedunt prologi in Pompeium Trogum / Ed. O. Seel. Stuttgart: Teubner, 1985. 375 p.
33. Mari M.A. «Lawless Piety» in an Age of Transition. Demetrius the Besieger and the Political Uses of Greek Religion // Alexander's Legacy. Atti del Convegno Università Cattolica del Sacro Cuore, Milano. Roma, 2016. P. 157-180.
34. Mari M. Amphipolis between Athens and Sparta. A Philological and Historical Commentary on Thuc. V 11, 1 // Mediterraneo antico. V. 15. 2012. P. 327-354.
35. Mari M. Macedonians and pro-Macedonians in Early Hellenistic Athens: Reflections on ὁσέβεια // Macedonians in Athens, 323-229 B.C., Proceedings of the International Conference, Athens, May 24-26, 2001, Oxford 2003. P. 82-92.
36. Mari M. The Ruler Cult in Macedonia // Studi ellenistici. V. XX. 2008. P. 219-268.
37. Meeus A. Alexander's Image in the Age of the Successors // Alexander the Great: A New History / W. Heckel, L.A. Tritle (eds.). Oxford, 2009. P. 235-250.
38. Muccioli M. Classical sources and proskynesis. History of a Misunderstanding // Alexander's Legacy. Atti del Convegno Università Cattolica del Sacro Cuore, Milano. Roma, 2016. P. 41-60.
39. O'Sullivan L. Athenian Impiety Trials in the Late Fourth Century BC // Classical Quarterly. V. 27. 1997. P. 136-152.
40. O'Sullivan L. History from Comic Hypotheses: Stratocles, Lachares, and P.Oxy. 1235 // Greek, Rome and Byzantine Studies. V. 49. 2009. No. 41. P. 53-79.
41. Pausaniae Graeciae descriptio. Vol. 1 / Ed. M. Rocha-Pereira. Lipsiae: Teubner 1973. XXV, 358 p.
42. Philipp G.B. Philippides, ein politischer Komiker in hellenistischer Zeit // Gymnasium. Bd. 80. 1973. S. 493-509.
43. Plischke S. Herrschaftslegitimation und Städtékult im Reich des Lysimachos // Studien zum vorhellenistischen und hellenistischen Herrscherkult / S. Plischke, L.-M. Günther (hrsgb.). Berlin, 2011. S. 55-76.
44. Plutarch. Demetrius // Plutarch's Lives. Greek text with an English translation by B. Perrin. In 11 Vols. V. 9. London; Cambridge (Mass.), 1954. P. 1-135.
45. Saitta G. Lisimaco di Tracia // Kokalos. V. 1. 1955. P. 62-152.
46. Shear T.L. Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1978. 476 p.
47. Stewart A. Faces of Power. Alexander's Image and Hellenistic Politics. Berkeley: University of California Press, 1993. 508 p.
48. Strabo. Geographica / Ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner. 1877. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc>
49. Suida. Lexicon Graecae et Latinae // Suda on-line. URL: <http://www.stoa.org/sol-entries/alpha/2704>
50. Thompson M. The Mints of Lysimachus // Essays in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson / Ed. C.M. Kraay, G.K. Jenkins. Oxford, 1968. P. 163-182.
51. Worthington I. Ptolemy I. King and Pharaoh of Egypt. Oxford: University Press, 2016. 253 p.

Нефедов Костянтин *Култ правителя у політиці Лисимаха у 323-289 рр. до н.е.*

У статті зроблено спробу виявити ставлення до культу правителя у політиці одного з наступників Олександра Македонського, Лисимаха у 323-289 рр. до н.е. Показано, що Лисимах, отримуючи у цей період богорівні почесті, намагався виставити себе перед греко-македонським світом в образі благочестивого царя, який відкидає можливість обожнення людини. За допомогою такої політики Лисимах прагнув дискредитувати культ інших діадохів та обґрунтувати свої зазіхання на спадщину Олександра.

Ключові слова: еллінізм, култ правителя, діадокси, Лисимах, Олександр Македонський, легітимація влади

Нефедов Константин *Култ правителя в политике Лисимаха в 323-289 гг. до н.э.*

В статье предпринята попытка выявить отношение к культу правителя в политике одного из преемников Александра Македонского, Лисимаха в 323-289 гг. до н.э. Показано, что Лисимах, не получая сам в этот период богоравного почитания, пытался предстать перед греко-македонским миром в образе благочестивого царя, который отрицает

возможность обожествления человека. С помощью такой политики Лисимах стремился дискредитировать культ других диадохов и обосновать свои притязания на наследие Александра.

Ключевые слова: эллинизм, культ правителя, диадохи, Лисимах, Александр Македонский, легитимация власти

Nefedov Konstantyn Ruler cult in the policy of Lysimachus (323-289 BC)

The article deals with the policy of the Alexander the Great successor, King of Thrace Lysimachus regarding such an important phenomenon of Hellenistic monarchy as ruler cult in 323-289 BC. In this period Lysimachus did not receive divine honours himself, but needed react to the spreading of cult of his enemies – Antigonos the One-Eyed and Demetrius Poliorcetes. It is shown that Lysimachus from the start of this situation thought necessary to maintain an image of pious ruler, who considered ruler cult blasphemous. Following Macedonian traditions, he rejected the cult of Alexander the Great. After the victory over Antigonids in 301 BC Lysimachus, using literary propaganda and euergetic practice, tried to discredit the cult of Demetrius in Athens. When Macedonian support lost its importance, Lysimachus began to promote the posthumous cult of Alexander the Great with help of which he wanted to represent himself in the role of true heir of the great conqueror and justify the right to Alexander heritage. Contrary to his earlier policy, Lysimachus represented his promoting of Alexander deification as manifestation of piety, opposed to the blasphemous cult of Demetrius and other Diadochi. Lysimachus' example shows that not only ruler cult, but also its disavowal could be used in the Early Hellenism for the aims of power legitimation

Keywords: Hellenism, ruler cult, Diadochi, Lysimachus, Alexander the Great, power legitimation

Надійшла до редакції 15.04.2018 р.

Рис. 1. Монеты Лисимаха с изображением божественного Александра:

1. Золотой статер, Александрия Троида; 2-5. Тетрадрахмы: Магнесия-на-Меандре, Лампсак, Византий, Амфиполь; 6. Гемидрахма, Митилена.